

Заметки о Шекспировском театре

НА ДНЯХ спектаклем «Гамлет» закончились гастроли Шекспировского мемориального театра, гастролы, вызвавшие огромный интерес и, конечно, оживленные споры. Обменивались впечатлениями и дискутировали прямо в фойе театра, на улице, на страницах газет. И это естественно. В гости к советским людям, читающим, играющим и любящим Шекспира, приехал театр, который вот уже много лет подряд ставит только произведения великого драматурга, театр с интереснейшими традициями, который привез в Москву «классику» — «Двенадцатую ночь», «Ромео и Джульетту» и «Гамлета».

Мне удалось побывать на всех трех спектаклях. Да, есть о чем подумать, чему поучиться, о чем поспорить. Отнюдь не претендуя на обзорную критическую статью, мне хотелось бы поделиться кое-какими размышлениями.

«Двенадцатая ночь» (режиссер-постановщик Питер Холл). Раздался традиционный — как во времена Шекспира — деревянный стук за сценой, открылся занавес, и все мы, сидящие в зале, увидели за порталом сцены не бурю и потерпевших кораблекрушение, как это написано у драматурга, а покои тоскующего герцога Орсино (артист Майкл Мичем).

Это — не случайная деталь. Такая вольность по отношению к тексту Шекспира свойственна Мемориальному театру. Для этого коллектива Шекспир — не музейная реликвия, а писатель, мыслитель, идеи и творения которого должны восхищать и волновать сегодняшнего зрителя.

В рамке старинных гравюр, создающих атмосферу времени (художник Лила де Нобили), развивается действие комедии. Гравюра оживает: вот появилась легкая изящная Виола в солнечного цвета камзоле. Появилась в старинном дворике у дома Оливии, именно дома, а не дворца, как мы это привыкли видеть.

А вот оживает другая, не менее живописная гравюра-группа: обе-

дающий сэр Тоби Белч (артист Патрик Уаймарк), Мария (артистка Миранда Коннел), Эггючик (артист Ричард Джонсон, он же исполняет роль Ромео в «Ромео и Джульетте»).

По-своему решен в спектакле и образ Оливии. Если обычно — это властная, спокойная красавица, то у артистки Джеральдин Макюэн — это жеманная и одновременно очаровательная в своем кокетстве мещаночка. Поэтому и оправдано, что Себастьян (артист Иен Холм), особенно такой инфантильный Себастьян (и в этом тоже определенная трактовка роли), мог полюбить именно такую Оливию с первого взгляда.

И, наконец, как мне кажется, самое главное — это интересное решение постановки в целом. Я видел «Двенадцатую ночь» и «Гамлета» в Шекспировском театре в Канаде. Ведущие режиссеры канадского театра Тайрон Гатри и Майкл Лэнгем много работали в Шекспировском театре Англии. Гатри, соблюдая жанр комедии, сделал так, что герои пьесы — и Орсино, и Оливия, и даже Виола, не говоря уже о Мальволио, — «сходят с ума», каждый по-своему. И лишь одно здоровое начало среди всей этой галереи характеров — шут — начало истинно демократическое, народное.

Так было в Шекспировском театре в Канаде. Это доходило и волновало, несмотря на то, что там, может быть, не было такой Оливии, такого Эггючика, таких декораций и многих других замечательных достоинств, которые есть в постановке «Двенадцатой ночи» в английском Мемориальном театре.

А ведь это желание — донести зрителю мысль — и есть главное, для чего существует театр, то, для чего стоит жить, работая в театре.

И это главное есть в спектакле «Ромео и Джульетта» (режиссер-постановщик Глен Байэм Шоу).

Я не собираюсь говорить подробно об этой постановке, о ней уже много написано. Мне бы хотелось только поделиться основным впечатлением, может быть, чисто профессиональным. Актеры сказали бы так: «Как они умеют играть любовь!». Великолепны сцены первого свидания на балу, у балкона, в спальне Джульетты, финал. Есть такое выражение: «У них неземная любовь». Часто, репетируя или играя роли, особенно классические, мы делаем это выражение, так сказать, руководством к действию, а потом удивляемся, когда нам зри-

тели говорят: «Нет, вы не любите друг друга на сцене, не умеете вы любить». Оказывается, секрет в том, чтобы играть на сцене «земную» любовь, именно земную, а поэтому прекрасную и чистую. Это блистательно продемонстрировали Ричард Джонсон и Дороти Тьютин.

И, наконец, несколько слов о «Гамлете». Мне посчастливилось за последние три года увидеть шесть Гамлетов в разных постановках: это — Фрейндлих в Ленинградском театре им. Пушкина, Астангов в театре им. Вахтангова, Самойлов в театре им. Маяковского, Пол Скофилд в постановке Питера Брука, Кристофер Пламмер в Канаде и, наконец, Майкл Редгрейв в Шекспировском театре. Если к этому прибавить, что мне тоже посчастливилось играть Гамлета, то станет ясно, как нелегко говорить об этом спектакле, об этой роли.

Трагедия Шекспира настолько многообразна, в каждой из сцен такое количество мыслей и тем, что выбрать доминирующую — самое главное. Сыграть все заложенное — невозможно, как «объявить необъятное». В своей знаменитой статье «Гамлет» драма Шекспира» Белинский писал: «Боже мой! Шесть представлений («Гамлета» — М. Н.) в продолжении какового нибудь месяца с тремя днями... Да тут хоть какое вдохновение, так ослабеет!». Майкл Редгрейв сыграл «Гамлета» семь раз за семь дней. Это очень трудно. Это свидетельствует о замечательном профессионализме, который свойственен как Редгрейву, так и всему коллективу театра в целом. Профессионализм, входящий в культуру этого театра, а культура Шекспировского мемориального театра очень высока. Она во всем — в режиссерских поисках, в оформлении, в костюмах, в дикции актеров, в их пластике, строящем отношении к своему труду.

Нет сомнения, мы увидели интересный театр, со своим индивидуальным почерком, традициями, культурой, о которых много уже писали, но еще будут писать, спорить и думать.

Михаил КОЗАКОВ,
артист театра имени
Маяковского.